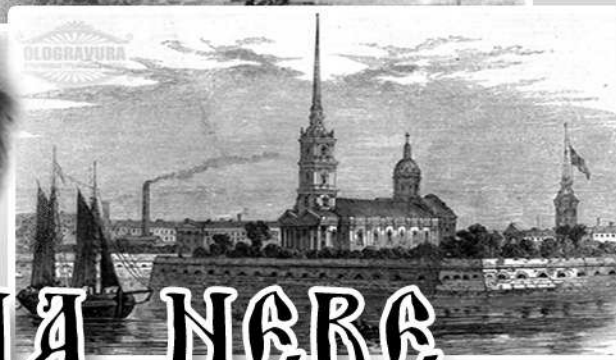
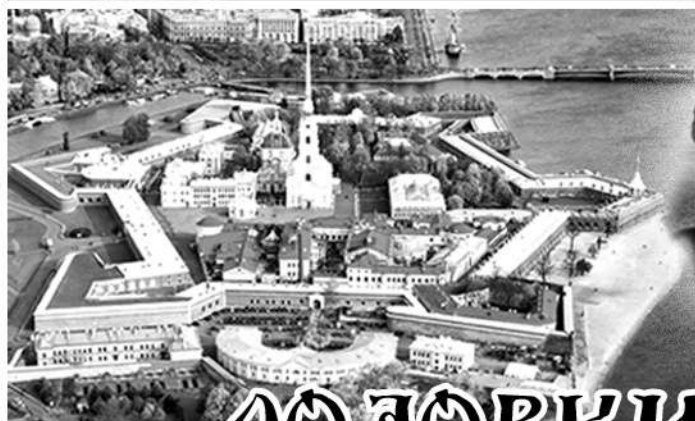

Сергей ИВАНОВ

г. Невская Дубровка

СОЛОВКИ НА НЕРЕ

Царь-путешественник

В системе существующих исторических мифов есть некоторые особенно устойчивые, связанные с фигурой царя Петра Первого и с его самым знаменитым творением – Санкт-Петербургом.

Человеку, не критически воспринимающему исторические мифы, Петр представляется странным исключением среди прочих российских государей. Мнится, будто среди его интересов преобладали исключительно европейские. Кажется, что единственная его цель – поскорее превратить Россию в Европу, и дело с концом. Петербург же часто считают аванпостом Запада в российской глуши, неким имперским отражением Амстердама.

Конечно, и сочинения Карамзина, и роман Алексея Толстого – другой важнейший источник петровской мифологии – содержат в себе гораздо больше смыслов, нежели вызванные их трудами стереотипы. Однако в «сухом остатке», которым мы бессознательно оперируем, расставляя исторические персонажи по соответствующим разделам, Петр сугубый западник – и только.

Но, в отличие от народной мифологии и от газетной публицистики, современная научная литература все чаще обнаруживает в деятельности Петра Первого черты, указывающие на его безусловную принадлежность к русской православной цивилизации. Например, В.Ф. Шаповалов пишет в своем введении к учебнику «Истоки и смысл российской цивилизации»:

«Реформы Петра не были (ни по замыслу, ни фактически) началом западнического пути развития. Они заложили основы России новой, ни в коей мере (но во многом по-другому) не похожей ни на Запад, ни на какую-либо иную цивилизацию, как и Русь предшествующих веков. (...) Следует (...) подчеркнуть, что реформы Петра не изменили этноконфессионального ядра цивилизации: как и прежде, его составили русский народ и православная вера. Широко известные антицерковные мероприятия царя были призваны ограничить церковное влияние и поставить церковь под полный контроль государства. Они, разумеется, не преследовали цели ни изменения веры, ни устранения церкви из общественной жизни»¹.

В самом деле, даже если взглянуть на биографию Петра Великого, мы увидим, что собствен-

но европейского в ней не так уж много. Согласно историческому клише, о котором мы говорим, Петр окончательно сделался европейцем во время «Великого посольства» 1697–1698 годов. Посольство это, в ходе которого Петр посетил шведскую Прибалтику, немецкие княжества, Голландию, Англию и Вену, длилось полтора года. Безусловно, путешествие произвело сильное впечатление на молодого царя. Однако есть достаточно причин для сомнений в том, что эти впечатления существенно повлияли на мировоззрение государя.

Еще В.О. Ключевский замечал: «Попав в Западную Европу, он (т.е. Петр) поспешил прежде всего забежать в мастерскую ее культуры и не хотел, по-видимому, идти никуда больше, по крайней мере оставался рассеянным, безучастным зрителем, когда ему показывали другие стороны европейской жизни» (Курс русской истории, Лекция LVIII).

Обычно ситуация путешествия позволяет идеализировать иноземную действительность. Однако с Петром этого почему-то не произошло. Вероятно, существовали иные воздействия, которые оказались более важными для формирования мировоззрения царя. В том числе другие (помимо европейских) путевые впечатления.

Вообще говоря, почти все впечатления царя были путевыми. Вся его жизнь прошла «на колесах», на воде или в седле. Помимо военных походов, Петр с ранней юности предпринимал технические экспедиции с целью приобрести навыки кораблевождения, «краеведческие» походы для знакомства с подвластными территориями, поездки на богомолье, совершал длительные морские переходы. Эти путешествия, за исключением полтора лет Великого посольства, проходили по территории России².

Петр Первый на Севере

Особенно продолжительные походы Петр совершал по Русскому Северу.

Первую экспедицию на север Петр предпринял задолго до «Великого посольства» – летом 1692 года Петр I ездил на Кубенское озеро (осмотрев попутно Вологду), чтобы изучить, пригодно ли оно для плавания потешной флотилии. Кубенское озеро оказалось неудобным для флотилии, и в следующем году Петр через Вологду отправился в Архангельск. Его сопровождали сто пять человек, в том числе генералиссимусы князь Ф.Ю.Ро-

модановский и И.И.Бутурлин, стольники, сержанты, дьяки, доктор, священник Петр Васильев с восемью певчими и сорок стрельцов. В Вологде царь находился 4 дня, которые провел, в том числе, в разговорах с архиепископом Гавриилом, затем отправился водой в Архангельск (поход длился 18 дней). Весь летний сезон 1693 года Петр провел на Белом море. Он ходил на яхте «Святой Петр», сопровождал голландские и английские торговые суда.

И следующее лето, 1694 года, Петр также посетил север. Это была наиболее содержательная поездка царя на Беломорье, если не считать марша 1702 года.

Государя сопровождало около 300 человек. В Архангельске в присутствии Петра I был спущен на воду корабль «Святой Павел», построенный на Соломбальской верфи. Затем из Голландии прибыл заказанный царем фрегат «Святое пророчество». В промежутке между кораблестроительными делами царь совершил первое паломничество в Соловецкий монастырь на своей яхте «Святой Петр». Застигнутый бурей, он остановился в Пертоминском монастыре, где в благодарность о спасении на море воздвиг памятный крест. По преданию, такой же крест Петр установил затем на соловецком Заяцком острове.

В апреле 1702 года Петр предпринимает свой самый известный северный поход, закончившийся строительством «Осударевой дороги» в Карелии и удачным штурмом шведской крепости Нотебург, тут же ставшей Шлиссельбургом. С этим походом связано освобождение приневских земель (впрочем, успешная для русских военная кампания в Ингерманландии всю шла и до приезда Петра усилиями Шереметева и Апраксина). Вскоре (в 1703 г.) царь осуществляет свой собственный северный проект – строительство Санкт-Петербурга.

В ходе экспедиции 1702 года Петр снова посетил, в числе прочих мест, Соловки. Царь провел в монастыре и окрестностях пять дней, с 10 по 15 августа. В частности, он участвовал в строительстве деревянного храма Андрея Первозванного на Заяцком острове (над установленным во время предыдущего путешествия памятным крестом). Причем дерево для строительства Пётр вёз с собой на корабле из Архангельска, что свидетельствует о значении, которое Петр придавал этому храму³.

После 1702 года Петр совершил еще несколько менее значительных поездок по Русскому Северу. Остановимся на одном из пунктов северных

маршрутов Петра и подумаем о значении, которое имели (или могли иметь) для судьбы царя, для его мировоззрения и для облика будущего Петербурга посещения Соловков.

Как мы увидим ниже, у Петра было немало причин для особого внимания к Соловкам. Он не оставлял их своей заботой даже на расстоянии. Так, по приказу царя братии Голгофского скита на Анзере ежегодно отпускался хлеб из государственных «магазинов». Сестра царя Мария Алексеевна жертвовала Голгофскому скиту церковную утварь, облачения, книги. Вдовствующая царица Параскева Феодоровна и друг царя князь Меншиков тоже жертвовали Голгофо-Распятскому скиту.

Такое внимание Петра и его окружения именно к Анзеру объяснялось просто: строителем Распятского скита стал бывший духовник Петра (и, надо полагать, всей царской семьи) преподобный Иов.

Во время визита на Соловки в 1702 году царь встретился здесь со своим бывшим духовником (которого незадолго до этого по навету сослал на север). Впрочем, Анзер еще со времен основания Троицкого скита находился под особым патронажем семьи Романовых.

Суша, окруженная водой

Но мы начнем сопоставление Соловков и Петербурга не с духовного, а с географического аспекта. Прежде всего важно иметь в виду, что Соловки – это островной архипелаг.

«Архетип острова как один из центральных элементов русского фольклора, религиозного, геополитического сознания (представления о России как об особом континенте) играл значимую роль в мирозерцании Петра, который во время своего путешествия по Северу постоянно попадает в островной мир», – пишет Николай Терехин в статье «Пётр I – культурный герой и ономатет Русского Севера» Действительно, дальнейшие эпизоды биографии царя и, соответственно, русской истории связаны почти исключительно с островами.

На Соломбальском острове Петр строит и принимает корабли для обороны Архангельска. Затем следует на Соловки. Отправившись из Соловков 15 августа 1702 года, 12 октября Петр взял шведскую крепость Нотебург, расположенную, как известно, на острове (сейчас это музей-крепость Орешек около города Шлиссельбурга-Петрокрепости).

Летняя кампания 1703 года озаглавлена капитуляцией шведской крепости Ниеншанц (в черте современного Санкт-Петербурга) и закладкой новой русской крепости в невиской дельте. Крепость ставится на острове, который именуется почти так же, как и Заяцкий остров Соловецкого архипелага. Но не только городская крепость, а и весь новый город располагается на островах – Васильевском и Адмиралтейском. Собственно материковая часть Петербурга – Соловки на Невской стороне, где и стояла шведская крепость Ниеншанц – застраивается гораздо медленнее, хотя местность там в техническом смысле более подходящая для градостроительства.

Зимой 1703–1704 года начинается строительство Кронштадта на острове Котлин – крепости, защищающей Петербург с моря, а также главного городского порта.

К острову Котлин в свете нашей темы стоит присмотреться внимательнее. Петербуржцы давно привыкли к Кронштадту, а жители других российских городов не вполне представляют себе географию Финского залива, поэтому тоже ничему не удивляются. А между тем удивиться стоит. Ведь волей Петра главный городской порт расположился в 40 километрах от города, на острове, который лишь недавно, в конце XX века, соединен с материком дорогой.

Такой шаг царя объясняют гидрографией Невского взморья. Залив, особенно в северной части, мелководен и представляет опасность для крупнотоннажных судов (которых у Петра на Балтике, впрочем, тогда не было). Встречаясь с водами Балтики в Финском заливе, невиское течение создает у берегов песчаные отмели, банки. Именно они воспрепятствовали шведскому адмиралу Нумерсу в 1703 году вмешаться в ход боя, когда русские на шлюпках атаковали два его разведывательных корабля, хотя события происходили прямо у Нумерса на глазах.

В то же время мы знаем, что еще в 1917 году в Неву заходили тяжелые крейсера (например, «Аврора») и другие крупные корабли. Сейчас у Английской набережной швартуются многопалубные океанские теплоходы. Конечно, это стало возможным после больших дноуглубительных работ. Однако отмели не помешали адмиралу Нумерсу в 1702 году ввести флотилию в Неву⁴.

Адмирал воспользовался услугами местных лоцманов, которые указали нужные проходы. Именно благодаря лоцманской службе, по-видимому, и осуществлялось морское снабжение шведской крепости Ниеншанц, стоявшей в нес-

кольких километрах от моря, на Охте. Первоначальный Петербург не превышал Ниеншанц своими размерами, и его сообщение с европейскими городами могло осуществляться по тому же принципу – лоцманы встречают суда у побережья и проводят их по Неве к крепости. Военный флот тем более удобно иметь под рукой – ведь ни телефона, ни телеграфа у царя не имелось, и, чтобы отдать распоряжение флоту, приходилось посылать лодку в Кронштадт. И ничто не могло помешать врагу, буде он пожелает, перехватить в водах залива царскую почту.

Согласно замыслу Петра, на Стрелке Васильевского острова, напротив Петропавловской крепости, возникла Санкт-Петербургская торговая биржа, куда должны были прибывать купеческие суда из разных стран. Казалось бы – вот тебе и порт. Тем более что флотилия Петра в годы укрепления на Балтике состояла из легких галер и яхт, которым мелководье не помеха.

Надо сказать, что и новгородцы, владевшие Котлином до шведов, тоже не пытались ставить на острове какую-либо крепость. Следовательно, здесь у Петра не было предшественников, и он либо изобрел идею двойного города, каковым является Петербург (город на островах + порт на отдаленном острове), либо позаимствовал ее где-то.

Стоит снова вспомнить о Соловках, которые были устроены именно таким образом: гавань Соловецкого монастыря (расположенного на Большом Соловецком острове) помещалась на отдаленном Заяцком острове (около 10 км от монастыря).

Иностранцы путешественники отмечали высокий уровень комфорта, который они не ожидали встретить на диких беломорских берегах. Устроитель Соловецкого порта на Заяцком острове игумен Филипп Колычев, по-видимому, продолжал существовавшую до него традицию. Вероятно, еще до возникновения монастыря поморы переправлялись на Соловки через Заяцкий остров. Большой Соловецкий остров не имел удобной гавани, будучи, как и Петербург, окружен мелями. Но, с другой стороны, великий преобразователь соловецкой жизни наверняка имел свои, сугубо монашеские соображения – например, Заяцкий мог служить своего рода карантинной зоной, препятствовать слишком назойливым визитам мореплавателей собственно в монастырь. Как бы то ни было, гавань на Заяцком острове до сих пор производит внушительное впечатление.

Интересно, что Петр совершает своеобразный топонимический перевертыш – если для

Соловецкого города-монастыря Заяцкий остров был периферией, то в Петербурге на Заячьем (=Заяцком) острове располагался, наоборот, центр города.

Земля священная и земля веселая

Сам Петр, принимая решение ставить Петропавловскую крепость на Заячьем острове, называл этот остров иначе – Люст Елант («Веселый остров» или «Веселая земля»)⁵. Это название досталось русским от шведов, а именно от графа Стенбока, который, получив остров в конце 80-х годов XVII века в дар от шведского короля, устроил на нем усадьбу «Люстенхольм» («Веселое поместье»).

Правда, до шведской оккупации Приневья, по свидетельству Окладной книги Вотьской пятины 1500 года, остров именовался «Яносари», что значит в переводе с финского «Заячий». Однако знал ли об этом старом названии Петр и его окружение, неизвестно. Кроме того, неясно, известно ли было создателям Санкт-Петербурга русское значение слова «Яносари», даже если они его слышали от местных жителей. Таким образом, собственно «Заячим» (после того, как назывался сперва «Яносари», а потом «Люст Елант») остров становится позже основания Петропавловской крепости, возможно – не без влияния впечатлений, полученных Петром на Соловках.

Однако нынешнее имя – не единственное, что связывает Заячий остров с Заяцким.⁶ Значение топонимов «Люстенхольм» и «Люст Елант» тоже немаловажно в рамках наших сравнений. Не лишним будет знать и о том, что, когда наводнение смыло «Веселое Поместье» графа Стенбока, он переименовал это место в «Тейфельсхольм» – «Чертовое поместье»⁷. Впрочем, могло ведь быть и по-другому – «Тейфельсхольмом» место могло называться и раньше, ведь вряд ли пострадавший землевладелец станет ломать голову над тем, как назвать руины своего дворца. Двоящееся название – то ли Веселое место, то ли Чертово – позволяет нам вспомнить еще об одной достопримечательности Заяцкого острова – знаменитых лабиринтах или «вавиллонах».

Образ лабиринта несет двоякое значение – с одной стороны, прохождение нарисованных на бумаге лабиринтов до сих пор является развлечением. С другой, «Вавилон» (в данном случае синоним слова «лабиринт») – означает падший, греховный мир, а сами Соловецкие лабиринты

представляют собой языческие (бесовские) святилища. Таким образом, область расположения лабиринтов на Заяцком острове можно тоже называть одновременно «Люст Елант» и «Тейфельсхольм», «веселая земля» и «чертова земля».

Известно, что строительство неолитических объектов на Соловках народная молва (и литература прошлых веков) приписывала собственно царю Петру. До сих пор в материалах интернета можно встретить рассказ о том, что до Петра на Заяцком острове было 12 лабиринтов, а Петр построил еще один – тринадцатый. Так это или нет – вопрос не существенный, поскольку, даже если Петр не создавал лабиринтов на Соловках, по его воле возникли развлекательные лабиринты в Санкт-Петербурге (например, лабиринт «Фабульная роща» в Летнем саду, созданный одновременно с фонтанами в 1720-х годах по проекту архитектора М. Г. Земцова)⁸.

Кроме собственно лабиринтов, Петр устраивал в Петербурге и окрестностях и другие развлекательные аттракционы. Следовательно, лабиринты-вавилонны – это еще одна черта, объединяющая Соловки и Петербург.

На соседство лабиринтов со святынями в Петербурге можно посмотреть и с другой точки зрения. Основывая в центре будущего города собор во имя святых первоверховных апостолов, Петр не мог не осознавать этот акт как утверждение еще одного Рима, еще одной мировой христианской столицы.

Но рядом с этим священным центром самим царем заводятся разнообразные «вавилонны» – лабиринты, ассамблеи и прочие увеселения, контрастирующие по духу своему с сакральным смыслом города Святого Петра. Значит, они тоже входят в замысел, соединяя в одном пространстве разнородные и отчасти противоречивые элементы. Однако исследователи находят точно такой же способ организации пространства и на Соловках. «Известная контаминация новоиерусалимской и вавилонской символики отмечена и в священной топографии Соловецкого архипелага, в которой наблюдается пространственное совмещение образов Нового Иерусалима и Вавилона, – пишет Н. Терехихин. – Если в других русских православных монастырях образ Вавилона имел абстрактный характер «града человеческого» («мирского») вообще, то в сакральной топографии Соловков он был воплощен в конкретных архитектурных формах языческих святилищ. (...) Благодаря этому Соловецкие острова представляли собой то сакральное пространство, лежа-

щее на краю мира, где во времена свершений пророчеств Иоанна Богослова разворачиваются апокалиптические события падения Вавилона и утверждения вечного царства Нового Иерусалима. Таков, на наш взгляд, богословский смысл включения древних языческих святилищ («вавилоннов») в единый сакральный ансамбль Соловецкого архипелага – острова спасения».

С одной стороны, устраивая «школы веселья» и игровые аттракционы, Петр модернизировал Россию, придавая ей как будто бы западные черты. А.М. Панченко пишет, что «ассамблеи и общедоступный театр, фейерверки и триумфы, торжественные спуски кораблей и т.д. оказываются рядом с живописью, искусством типографским, делания часов и музыкальных инструментов. Все это равноправные пункты преобразования России».⁹ Однако изменяя исторический масштаб и поднявшись достаточно высоко над исторической шкалой, можно увидеть непосредственных предшественников Петра не в Версале или Лондоне, но в Византии (Риме), где императоры отдавали общественным увеселениям и организации зрелищ не меньше времени, нежели устройству церковной жизни. По-видимому, поздние европейские карнавалы так или иначе вышли из римских игрищ. В то же время, как указывает процитированный выше А.М. Панченко, Петровские «школы веселья» не в меньшей степени зависели «от искусства скоморохов, балагана, площадных зрелищ»¹⁰. Наконец, как мы видим, даже идею устройства парковых лабиринтов Петр мог вывезти не из Голландии и Версаля, а с Соловков.

С пушками – на богомолье

Возможно, помимо непосредственного военно-стратегического смысла¹¹, Петровский поход по северу 1702 года являлся еще и благочестивым паломничеством с целью стяжать благодать святого духа и получить благословение на сражение со шведами. Легко увидеть, что вдоль северных маршрутов Петра Первого располагаются церкви и соборы, освященные во имя Преображения Господня: таков собор в Холмогорах, соборы Пертоминского и Соловецкого монастырей. Вскоре после похода 1702 года на острове Кижы возникает деревянный многоглавый Спасо-Преображенский собор.

Можно предположить, что появление последнего явилось в некотором смысле последствием петровских экспедиций, которые начались, если

говорить образно, с московского царского сельца Преображенское. Известно, что один из двух полков, прошедший с Петром в 1702 году по государевой дороге, назывался Преображенским и сам Петр являлся капитаном-бомбардиром в составе этого полка. Полк был по сути посвящен празднику Преображения Господня, поэтому посещение Преображенских монастырей и церквей Петром накануне важного сражения выглядит вполне закономерным.

При этом на завоеванных по окончании похода 1702 года землях Петр по каким-то причинам не ставит храмов в честь Преображения, и широкая дуга Преображенских церквей кончается, кажется, в Кижях.

Зато, начиная с Соловков, с того же 1702 года Петр ставит церкви-памятники святым апостолам – сперва Андрею на Заяцком острове, затем Петру и Павлу. Обобщая этот вотивно-топонимический след Петра, можно образно сказать, что в течение 1702 года завершается некое преобразование – Петра ли, России ли в петровском восприятии – в результате чего на месте шведских крепостей возникает новый российский Рим, город первоверховных апостолов.

Историки и журналисты часто противопоставляют новый петровский Рим, будто бы ориентированный на западные ценности, старому «третьему Риму», то есть Москве, ориентированной на «инертную» Византию. Однако само это противопоставление, на наш взгляд, лишено смысла, поскольку «Рим» в древней – римской и средневековой – топографии был понятием «плавающим» и находился, собственно, там, где находился римский император. На европейской карте было несколько точек, содержащих в своем названии топоним «Рим», в то же время Римом называлась Византия, а сами ее жители – ромеями, то есть «римлянами». До начала XIX века столица еще одной Римской империи (германской нации) находилась в Вене.

Иногда фигуру Петра Великого сопоставляют с фигурой великого Константина, что, конечно, не лишено оснований. Но не меньше параллелей с личностью Петра можно найти и при сравнении с другим великим византийцем – императором Юстинианом. Он, как и Петр, существенно расширил границы своей империи, кодифицировал законы, воздвиг в Константинополе главный собор Римской империи, занимался градостроительными работами по всему царству, лично вникал в религиозные споры и фактически руководил церковью. Параллель эта тем более интерес-

на, что Петр Алексеевич и Юстиниан – тезки, поскольку звали византийского владыку, собственно, Петр Савватий (лишь позже он взял в память своего дяди императора Юстина, возведшего его на престол, имя «Юстиниан»). Интересно и то, что Юстиниан вел успешные войны с германскими варварами по возвращению западного наследства – Италии и старой имперской столицы. Но ведь и Петр, освобождая Ингерманландию, по сути дела возвращал старые новгородские – рюриковские – земли. Более того, по гипотезам некоторых исследователей, в районе нынешнего Петербурга и Карельского перешейка находилось древнее «месторазвитие» племени руссов и, возможно, даже исконная столица первоначальной Руси («остров Канси», как его называет в своей поэме о Трое французский поэт XII века Бенуа де Сент-Мор)¹².

Вообще, по некоторым «показателям» Петр Алексеевич выглядит большим византийцем, чем его предшественники на русском троне – конечно, если представлять Византию без стереотипов. Так или иначе, противопоставление «византийской» Москвы и «европейского» Петербурга является искусственным, поскольку, создавая новый апостольский город, Петр мог в равной степени считать себя наследником как латинского Рима, так и Рима греческого (Византии).

В идеологии петровского Петербурга излишне видеть вызов идее «третьего Рима», равно как и отказ от этой идеи. Петербург становится очередным Римом, принимая эстафету от Москвы, однако не лишая Москву имперского содержания. Ведь «Третьим Римом» в русской историософии была не столько Москва, сколько Московия с центром в Кремле. Теперь этот центр царь переместил в Невское устье, подчеркнув «римскость» новой столицы собором в честь первоверховных апостолов. Перенесение и обновление московского Рима было актом символическим, как и утверждение нового военно-морского Андреевского флага, который был освящен, как считается, после сооружения Андреевского храма на Заяцком острове.

Помимо нового военно-морского флага, Петр, возможно, «вывез» с Соловков идею посвящения храма святому Исаакию Далматскому. Исаако-Далматский скит и часовня находились в отдаленной части Соловецкого острова, однако могли быть посещаемы Петром хотя бы потому, что он родился в день памяти этого святого. Имя св. Исаакия на Руси не было популярно и стало широко известно только благодаря деятельности Петра. Уже в 1706 году, вскоре после основания Петер-

бурга, Петр Первый приказывает начать строительство на Адмиралтейской стороне Исаакиевской церкви, которая, несмотря на простоту архитектуры, стала одной из главных в городе. Именно в ней в 1712 году венчались Петр Первый и Екатерина Алексеевна. Позднее возникает внушительный Исаакиевский собор, построенный в традициях классицизма, который, в свою очередь, восходит к формам константинопольской святой Софии, построенной Петром-Юстинианом.

Святой преподобный Исаакий жил в римской Далмации в IV веке. Интересно узнать причины, по которым именно этот античный святой почитался на Соловках. Возможно, Петру Алексеевичу они были известны.

Монах и царь

У Петра, несомненно, имелись не только византийские прототипы и античные кумиры, были у него предшественники и в России. Один из них сыграл немалую роль в истории Соловецкого монастыря. Это игумен Филипп (Колычев), при котором монастырь в XVI веке достиг небывалого прежде расцвета.

По общему признанию, игумен Филипп был, как позже и Петр, «человеком деятельным и обладавшим практической хваткой»¹³. Он «обладал суровым и непреклонным характером»¹⁴.

По мнению Р.Г. Скрынникова, игумен Филипп почти вдвое увеличил в монастыре производство соли и, соответственно, доходы монастыря. «Он вел монастырское хозяйство расчетливо, твердой рукой. «Называл» крестьян на монастырские земли, давал им льготы и подмогу, а затем неукоснительно собирал оброки»¹⁵.

Похожим образом действовал впоследствии Петр Алексеевич: он старался создать по возможности сносные условия для мастерового люда, служившего на его верфях и стройках (по крайней мере, желал их создать, что подтверждается многочисленными его письмами и другими документами), и вслед за этим требовал полной отдачи.

При игумене Филиппе в Соловецком монастыре началось грандиозное каменное строительство: была возведена Успенская церковь, трапезная палата, хлебопекарня, звонница и громадный Преображенский собор (превосходивший по высоте Успенский собор Кремля, самую большую «высотку» тогдашней Руси). По-видимому, именно инженерный гений игумена Филиппа или его помощников позволили устроить систему отоп-

ления монастыря по трубам, по принципу «теплых полов». При Филиппе центральный комплекс монастырских зданий был опоясан галереей, благодаря чему можно переходить из одного здания в другое, не выходя из-под крыши. Здесь уместно будет вспомнить для сравнения обилие галерей в исторических зданиях Петербурга (например, внешние галереи имеют исторический факультет университета, Гостиный и Апраксин дворы): вполне может быть, что такая «европейская» его особенность на самом деле генетически связана с древнерусской архитектурой.

Святитель Филипп прокладывает на Соловках каналы, соединяет озера в единую транспортную сеть. Сегодняшние Соловки – это страна каналов не в меньшей, а может быть, и в большей степени, чем Венеция. Но в Венеции Петр никогда не был (из-за вспыхнувшего в Москве бунта Великое посольство Петра вынуждено было вернуться на родину, не заезжая в Венецию, хотя посещение этого города входило в план посольства).

Игумен Филипп возводит на Соловках дамбы из дикого камня: рыболовные «садки» севернее монастыря и систему волнорезов в гавани Заяцкого острова. Кроме того, Колычев основательно механизировал монастырь: на проложенных под монастырем водостоках были устроены водяные мельницы. Он занимался и развитием промышленности: при нем на Соловках появились кузницы и кирпичные заводы. Через болота были проложены дороги (с использованием насыпей и гатей). Судя по всему, игумен Филипп создал монастырский флот.

Любопытно, что почти всю эту программу Филиппа повторил царь Петр, только во всероссийском масштабе. Поэтому необходимо включить игумена Филиппа, чей гений наглядно был представлен царю в постройках и сооружениях Соловков, в число заочных учителей Петра Алексеевича. Особенно «прицельно» Петр шел по стопам игумена Филиппа при строительстве Петербурга: здесь мы видим и осушение болот, и устройство каналов, насыпей и дамб (правда, масштабные дамбы в Петербурге появились уже после смерти Петра, однако их возведение шло в рамках петровских планов), интенсивное каменное строительство. Петропавловский собор на Заячьем острове тоже претендует на высочайшее здание эпохи (он и до сих пор является архитектурной доминантой Петербурга), как некогда Преображенский Соловецкий. Петр даже повторяет градостроительную схему святителя Филиппа – городская гавань располагается на

отдельном, далеко отстоящем от крепости острове. Как и Филиппу, Петру при строительстве нового города приходится преодолевать северный климат, холод и сырость.

Таким образом, мы видим, что идеи, заложенные в основу градостроительного плана Петербурга, а также способы освоения Невского устья Петром повторяют модель Соловков.

Санкт-Петербург и Соловки объединяет двойная пространственная структура (система город – городской порт, расположенная на двух отдаленных друг от друга островах), двойная идеологическая структура (смысловое, содержательное соседство православных святынь с мирскими либо языческими символами и объектами). Петербург и Соловки объединяет почитание святого Исаакия Далматского, а также топоним «Заячий остров» (причем и беломорский, и невольский Заячий остров в своей духовной истории содержат как положительные, так и отрицательные смыслы).

В целом и Петербург, и Соловки несут в своем облике и топографии апокалиптические черты, напоминая о страшном суде и о приходе Спасителя человечества. Петербург и Соловки объединяют природные особенности территорий, а также способы их хозяйственного освоения (дамбы, плотины, каналы). Кроме того, на первых порах Петербург был почти так же отрезан от российского «материка», как и Соловки. Добраться до него можно было только по воде.

Как для Петербурга, так и для Соловков характерно широкое использование природного камня в строительстве зданий и транспортных сооружений, причем на раннем этапе существования Петербурга камень соседствовал с деревянными постройками, как это было повсеместно на севере: так, и первый Петропавловский собор в Петербурге, и первая Исаакиевская церковь были деревянными¹⁶.

Наконец, Петербург и Соловки объединяет одинаково деловой, волевой характер строителей: игумена Филиппа Колычева и Петра Велико-го. Все это свидетельствует о том, что Соловецкий монастырь в значительной степени был прообразом Петербурга. Европейские впечатления Петра, воплощенные в тех или иных чертах Петербурга, соединились в этом городе с национальной моделью. Петербург не отменил традиционную российскую модель градоустройства, а развил и продолжил ее.

Примечания

¹ Шаповалов В.Ф. Истоки и смысл российской цивилизации. М., 2003. С. 6 и 21.

² Впрочем, и прибалтийские земли, которые Петр посетил во время посольства в качестве иностранца, через некоторое время стали российскими.

³ Н. Терехин пишет об этом событии так: «Церковь во имя апостола Андрея Первозванного была возведена в течение нескольких дней, и по существу она может относиться к разряду «обыденных» храмов, строительство которых велось по особой технологии и имело строгие временные ограничения. Возведение обыденных храмов было связано с наступлением кризисной, чрезвычайной ситуации в жизни человека и природы, когда разрушался привычный порядок вещей, распадался космос и в мир вторгались деструктивные силы хаоса. Для преодоления кризиса, для обуздания хаотической стихии и возводились обыденные храмы, которые, по определению, должны были сооружаться в течение одного дня с полным соблюдением всего технологического цикла» («Пётр I – культурный герой и ониматет Русского Севера»).

⁴ Где она эскадра попала под удар русских, которые передвигались на обыкновенных лодках (см. Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб., 2009. С. 224, 228-229). В июне 1702 года в Приневье лодочный отряд Г. Островского с успехом напал на флотилию Нумерса. В августе того же года отряд Ивана Тырнова на 30 лодках разгромил в Ладожском озере группу из 5 шведских военных шкут. Характерно, что здесь, на Ладоге, как и в великих сражениях при Гангуте и Гренгаме, гребной – шлюпочный и впоследствии галерный – русский флот одолевает более мощный шведский. Гангутская победа в этом смысле выглядит дочерью побед И. Тырнова и Г. Островского.

⁵ Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб., 2009. С. 350.

⁶ Автору известно о версиях, возводящих топоним «Заяцкий» не к животному – зайцу, а к фразе «заяцками», произносимой будто бы поморами или монахами, перед тем как отправиться на Заяцкий остров, где они собирали яйца морских птиц. Однако автор склонен считать эту версию продуктом так называемой «народной этимологии», не имеющей под собой исторической почвы.

⁷ Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб, 2009. С. 350.

⁸ Впоследствии лабиринт в Летнем саду был уничтожен, на его месте возникла лучевая аллея под названием «кресты». В отличие от Соловецких лабиринтов, которые православные монахи разрушать не стали и лишь сложили рядом с неолитическим комплексом небольшой каменный крест в знак освящения острова.

⁹ Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб, 2000. С. 366, 367. Цит. по кн.: Шаповалов В.Ф. Истоки и смысл российской цивилизации. М., 2003. С. 21.

¹⁰ Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб, 2000. С. 363, 364. Цит. по кн.: Шаповалов В.Ф. Истоки и смысл российской цивилизации. М., 2003. С. 6.

¹¹ Имеется в виду оборона Архангельска от предполагаемой шведской агрессии, строительство Новодвинской крепости, а затем марш-бросок ненужного уже в Архангельске войска по «государевой дороге» в Старую Ладугу для штурма Нотебурга.

¹² См. Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб, 2009. С. 22-49.

¹³ Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л., 1990. С. 207.

¹⁴ Там же, с. 213.

¹⁵ Там же, с. 207-208.

¹⁶ Радуется, что исчезнувшая было деревянная архитектура вернулась в Санкт-Петербург в виде установленной недавно неподалеку от города, в Невском лесопарке в Новосаратовке, полноразмерной копии храма Покрова Пресвятой Богородицы (стоявшего в селе Анхимово под Вытегорой с 1708 года). А рядом с Покровской церковью появилась копия двухэтажного деревянного дома купца Костина из деревни Верховье, лежащей возле «Государевой дороги» царя Петра в Карелии.

Сергей Иванович ИВАНОВ –

детский писатель, журналист, исторический публицист.

Родился в 1968 году в п. Невская Дубровка Ленинградской области.

Окончил Ленинградский институт культуры.

Печатался в журналах «Урал», «Нева», «Север», «Литературная учёба»,

«Врата небесные», в периодических изданиях для детей.

Постоянный автор журнала «Детская роман-газета».

Автор книг «Святые православия», «Костя+Маша=?»,

«Порядок на планете», «Электроплан», «Детский курс разных наук»,

цикла книг «Детский курс истории» и других.

Редактор-составитель познавательных сборников для юных читателей

(антологии «Хочу всё знать 1957–2014», сборников «Царица вода»,

«Удивительный Дальний Восток» и других).

Лауреат литературной премии им. С. Маршака (2016).

Живёт в Невской Дубровке.

